

М. С. КОРЕЛИН

Переписка и эклоги Боккаччо

К числу латинских произведений Боккаччио следует отнести и его переписку, так как итальянские письма находятся там в меньшинстве. Но его латинские письма ни по количеству, ни по качеству далеко не имеют того значения, как переписка Петрарки. Боккаччио писал много, но из его сочинений не видно, чтобы он собирал свою переписку, и большая часть ее или совсем пропала или, по крайней мере, до сих пор не найдена. Потеряны даже его донесения Флоренции, которая не раз отправляла его с дипломатическими поручениями. Вследствие этого Кораццини насчитывает только 33 его письма: 23 латинских и 10 итальянских; но и это скромное число подлежит еще значительному сокращению, потому что некоторые из этих писем сомнительны, а другие несомненные апокрифы. Кроме того, в переписку включены такие письма, которые собственно составляют посвящение или даже предисловие к его сочинениям. Наконец, большинство остальных писем пользовалось столь незначительной известностью, что увидело свет только во второй половине XIX века. Тем не менее письма, бесспорно принадлежащие Боккаччио имеют весьма важное значение для истории Ренессанса вообще и для биографии их автора в частности. Таковы, во-первых, письма к Петрарке, и прежде всего то из них, где Боккаччо порицает своего адресата за поступление на службу к Висконти. Горячая привязанность и глубокое уважение Боккаччо к тому, кого он называл своим учителем и осыпал похвалами почти в каждом письме, не помешали ему осыпать Петрарку резкими и даже несправедливыми упреками за его связь с тиранном, и письмо является одним из важнейших источников для политических воззрений и вообще для характеристики автора. Позже написанное второе письмо по тому же адресу, где Боккаччо описывает

свое путешествие в Венецию для свидания с Петраркой, которого он там не застал, показывает, что старая дружба не порвалась, и вообще выгодно рисует взаимные отношения первых гуманистов. Еще важнее третье письмо, где Боккаччио рассказывает о своих поисках жизни Петра Дамиана, которая была нужна Петрарке для его сочинения *De vita solitaria*. Поправляя ошибку своего «учителя», смешавшего двух Петров из Равенны, и жестоко порицая жителей Равенны и в особенности тамошних монахов за отсутствие у них интереса к родной святыне, Боккаччио знакомит и с своей исторической критикой, и с своим отношением к средневековой истории. Менее интереса представляет стихотворное послание Боккаччио, с которым он препроводил Петрарке «Божественную комедию» Данте и в котором выражает свое отношение к обоим поэтам. Для характеристики отношения Боккаччио к Петрарке важно его письмо к зятю последнего, в котором он, оплакивая смерть первого гуманиста, сообщает также некоторые автобиографические данные. Для фактической истории эпохи имеют значение письма Боккаччио к падуанскому профессору Пьетро да Мулю или ди Риторика и к одному юноше Маттео де Амброзио или Амбразио. В первом, превознося похвалами знаменитого преподавателя, он рекомендует ему двух учеников, а во втором благодарит юного почитателя за восторженное письмо. Гораздо важнее в этом отношении письмо к Джакопо Пицинге. Превознося похвалами адресата за его интерес к науке и покровительство ученым, Боккаччио оправдывает меценатство античными примерами и подробно отмечает признаки наступающего лучшего времени. «Я начинаю надеяться и веровать, пишет он, что Бог смилостивился над итальянцами, так как вижу, что он из лона своей щедрости изливает в сердца итальянцев дух, не отличный от древних» и в доказательство приводит Данте, Петрарку и Дзаноби да Страда, указывая — в то же время на бедственное политическое положение своей родины.

Только автобиографическое значение имеют письма к Николо да Монтефальконе и к Николо Орсини. Первое, в котором Боккаччио порицает адресата за то, что он, пригласил его к себе в гости, а сам ушел из дому, не важно. Гораздо более цены имеет второе, в котором он изображает между прочим свое состояние под старость. Как комментарий к сочинениям Боккаччио, весьма важны два его письма. Первое, весьма интересное и в других отношениях, адресовано к Пьетро ди Монтефорте. Благодаря своего корреспондента за лестный отзыв о Генеалогии, Боккаччио сообщает некоторые сведения об этой книге, развивает свой взгляд на священное писание и горячо защищает своего «учителя» Петрарку, что он не издал до сих пор

своей Африки и написал трактат *De ignorantia*. Эта последняя часть письма имеет важное значение и для биографии Петрарки. Второе письмо, адресованное к монаху Мартино да Синья, представляет собою превосходнейший комментарий Боккаччио к его собственным эклогам. Существенную важность во многих отношениях имеют письма к Майнардо деи Кавальканти. В первом из них Боккаччио живо, с бытовыми подробностями описывает свою болезнь и формулирует свой взгляд на медицину; второе, кроме биографических данных, включает в себе взгляд автора на его латинские сочинения и, что особенно важно, его отношение к Декамерону.

Подлинность остальных латинских писем Боккаччио или отрицается или заподозривается, при чем в тесной связи с этим стоит вопрос о знаменитом *Zibaldone*. В флорентийской библиотеке *Magliabecchiana* (теперь она вошла в состав *Biblioteca Nazionale*) находится один кодекс самого разнообразного содержания. Там есть отрывки из *speculum Paulini Veneti*, обработка истории армянина Гайтона, извлечение из хроники Мартина из Троппау (*Martinus Polonus*) письмо об открытии Канарских островов, моральные сентенции Сенеки, выдержка из Естественной истории Плиния и Катилины Саллюстия; письмо к Дзаноби да Страда и его речь, список знаменитых современников и упомянутые выше генеалогии богов Перуджино, Альбицци и Донати и проч. Этот манускрипт представляет собою записную тетрадь, в которую ее ученый обладатель вносил разные *excerpta* (для таких тетрадей в итальянском языке существует специальный термин *il zibaldone*). В 1827 году профессор Себастиано Чампи издал часть этого кодекса и объявил его памятной книжкой Дж. Боккаччио. Ему без труда удалось доказать, что манускрипт относится к XIV столетию и что он принадлежал лицу, хорошо знакомому с флорентийскими делами; гораздо менее решительны его аргументы за принадлежность этой тетради Боккаччио. Они сводятся к следующему: 1) «что лицо, писавшее кодекс, обладало обширным знанием и еще большей критической основательностью (*piu gran criterio*) — это ясно, во-первых, из содержания, во-вторых, из плана автора создать хронологическую и критико-рациональную (*critica-ragionata*) всемирную историю в связи с географией всех народов с древнейших времен до наших дней и, в-третьих, из критического анализа авторов, отрывки из которых он списывал для своего предполагаемого труда». В XIV веке было только два таких ученых: Петрарка и Боккаччио; первый не мог быть обладателем кодекса, потому что его имя внесено в находящийся там индекс знаменитостей; следовательно, эти выписки принадлежат Боккаччио. 2) В *zibaldone* есть сочинения, принадлежащие Боккаччио.

Так, там есть коротенькое вычисление продолжительности земной жизни Христа и письмо к Дзаноби, подписанные Iohannes de Certaldo. Правда, подпись выскоблена, но не вполне, так что буквы можно легко различить. 3) В индексе знаменитостей Паолино прибавлено несколько имен из современников, между прочим Петрарка и Дзаноби, но нет Боккаччио. Этот пробел нельзя объяснить ни завистью или враждою обладателя манускрипта, потому что он внес письмо Боккаччио к Дзаноби, ни забывчивостью, потому что имя Петрарки должно было напомнить его о друге. Единственное объяснение возможно при том предположении, что список составлял сам Боккаччио. 4) Между внесенными в список знаменитостями с особенной похвалой упоминаются Альдобрандино дельи Оттобони и Коппо ди Боргезе Доминики, о которых Боккаччио говорит и в других сочинениях: о первом в письме к Росси, о втором в 9 новелле 5-го дня Декамерона. 5) Составитель кодекса хорошо знаком с положением дел во Флоренции, как это видно из глоссы к известию о Канарских островах. 6) Содержание кодекса (генеалогии, географические заметки, сентенции Сенеки) вполне соответствуют занятиям и интересам Боккаччио. 7) Боккаччио необходимо было делать извлечения из книг, потому что он не мог их покупать вследствие бедности, как утверждает его биограф XV века Манетти. Все эти доказательства в совокупности казались настолько убедительными, что первый рецензент издателя Рипетти, а за ним и другие, согласились с основным положением Чампи. Но спустя полвека этот взгляд встретил резких противников в лице Ландау и потом Кёртинга.

Ландау возражает, во-первых, против одного из самых сильных, шестого аргумента тем, что в кодексе есть исследование о дне смерти Христа и о Канарских островах, что, по его мнению, не подходит к интересам Боккаччио. Но при несомненном благочестии автора географического словаря это возражение не может иметь никакой силы. Затем он приводит целый ряд возражений против 3-го аргумента. Пропуск имени Боккаччио, по его мнению, ничего не доказывает. Во-первых, там пропущены и другие тогдашние знаменитости (Andalo, Паоло Перуджино и т. д.); во-вторых, индекс может относиться к 1341 году, когда Боккаччио был еще совершенно неизвестен; в-третьих, он мог быть сделан врагом Боккаччио, а подлинность письма к Страде еще не доказана, если бы и была доказана, то враждебный Боккаччио составитель списка мог увлечься формой письма и потому выскоблил имя автора. Нельзя сказать, чтобы эти гипотетические возражения подрывали основное положение Чампи или даже превосходили своей убедительностью его третий аргумент.

Оставляя без возражения другие главные доказательства Чампи, Ландау останавливается на одном второстепенном: Чампи приводит между прочим то соображение в пользу принадлежности тетради Боккаччио, что она находилась некогда в библиотеке Строщи, где было найдено и его завещание. Ландау устраняет этот аргумент тем, что сам Чампи в конце книги сомневается в подлинности самого завещания. Отрицая доказательность аргументов Чампи, Ландау приводит собственные соображения в доказательство противоположного мнения. Во-первых, почерк *zibaldone* отличен от тех рукописей, которые до сих пор считались автографами Боккаччио, но тут же прибавляет, что в пользу подлинности этих последних автографов нет никаких доказательств. Во-вторых, тетрадь начата в 1341 году и продолжалась до 1370, невероятно чтобы Боккаччио таскал ее с собою целых 30 лет. В-третьих, известие о Канарских островах, которое Чампи относит к 1341 году, записано на 133 листе рукописи, а письмо к Дзаноби 1353 г. — на 104; «ужели Боккаччио начал писать в середине своей тетради?» спрашивает Ландау. В-четвертых, наконец, *zibaldone* написан двумя почерками, что заставляет предполагать, что бедняк Боккаччио имел секретаря.

Нельзя отрицать, что доказательства Чампи отличаются чисто гипотетическим характером; но аргументы немецкого биографа Боккаччио совсем не ослабили их первоначальной убедительности. Гораздо победоноснее Ландау в полемике против выводов, которые сделаны были Чампи из подлинности *zibaldone*. С увлечением, свойственным виновнику всякого открытия, Чампи преувеличивает цену и значение нового манускрипта. Так, он считает интерполяцией места в *De claris mulieribus* и *De casibus virorum*, где говорится о папессе Иоанне, на том основании, что их нет у внесенного в тетрадь Мартина из Троппау. Ландау вполне основательно опровергает этот вывод и доказывает ненаучность метода, посредством которого он был сделан. В виду таких в общем неопределенных результатов полемики Гортис счел нужным подвергнуть этот вопрос новому исследованию.

Гортис начинает с указания целого ряда противоречий между *zibaldone* и несомненными сочинениями Боккаччио. В тетради он считает автором *De bello gallico* и *De bello civili* Светония Транквилла, который был прадедом автора биографий XII цезарей¹; а в Генеалогии он приписывает эти книги знаменитому в средние века Юлию Цельзу. Или в тетради он называет Констанцию, жену Генриха VI, дочь Роджера, а в книге *De claris mulieribus* — ошибочно дочь Вильгельма. Паолино из Венеции он называет в *zibaldone insipidus*², а цитируя его единственный раз в Генеалогии, объявляет его «вели-

чайшим исследователем истории», хотя и упрекает его в болтливости. Но эти противоречия не имеют в глазах Гортиса никакого значения, потому что встречаются во всех записных книгах, не предназначенных для публики. «Я рад, говорит он, что эти противоречия впервые замечены мною, который считает *zibaldone magliabesciano* собственным автографом Боккаччио». Положительные доказательства Гортиса сводятся к четырем аргументам. Во-первых, в индексе знаменитых людей первое место занимают флорентийцы. Во-вторых, он приводит целый ряд мест, из которых следует с несомненной ясностью, что фактически материал и моральные сентенции выписок в *zibaldone* в большом количестве и иногда буквально вошли в состав сочинений Боккаччио. В-третьих, составитель тетради мог перевести нетрудные фразы с греческого языка и чувствовал к нему большой интерес; а кроме Боккаччио, в эту эпоху никто не обладал ни такими знаниями, ни такими интересами. В-четвертых, наконец, Боккаччио написал Дзаноби: «я читал и перечитывал твою речь и потом снял с нее копию», и эта копия находится в *zibaldone*. Этот последний факт служит в глазах Гортиса главным доказательством, что тетрадь не только принадлежала Боккаччио, но и была его автографом.

Аргументы Гортиса, основанные на детальном изучении сочинений Боккаччио, делают гипотезу Чампи в высшей степени вероятной. Тем не менее его новейший биограф Кёртинг возвращается к взгляду Ландау и старается подкрепить его новыми аргументами. Кёртинг не мог или не желал рассмотреть положительные доказательства Гортиса и возражает только против общих соображений Чампи, вследствие чего вся его аргументация лишена всякой объективности и более гипотетична, чем у его противника. Так первый аргумент Чампи, несмотря на веское подтверждение Гортиса, кажется ему наивным, и он считает возможным приписать тетрадь Лапо ди Кастильонкио, Виллани или Нелли, которые совсем не знали греческого языка. Отсутствие в индексе имени Боккаччио он объясняет тем, что только Петрарка и Дзаноби были лауреатами. Против второго аргумента Чампи Кёртинг возражает, во-первых, что Боккаччио никогда не подписывался *Ioannes de Certaldo* и что следовательно эти сочинения или принадлежат другому Джiovанни из Чертальядо или подпись сделана не самим Боккаччио. При этом он весьма смешно старается осмеять предположение, что Боккаччио подписывался под своими произведениями в своей записной книжке. Собственные аргументы Кёртинга против мнения Чампи сводятся, во-первых, к повторению утверждения Ландау, что Боккаччио было неудобно носить с собою в путешествиях такой обширный манускрипт. Кроме того, ему ка-

жется невероятным, чтобы в записной книжке Боккаччио не было ни одного стихика в честь Фиамметты. Наконец, Кёртинг находит, что заметка о дне смерти Христа не подходит к Боккаччио, который не занимался богословскими вопросами, а выписки, хотя и соответствуют его занятиям, но географическими и мифологическими вопросами интересовались и другие ученые.

Независимо от Кёртинга и Гортиса *Симонсфельд* пришел к выводам совершенно тождественным с заключениями итальянского ученого. Тем не менее *Макри-Леоне* счел необходимым вновь пересмотреть этот вопрос и пришел к тому же самому заключению. Но его доводы, не заключая в себе никаких новых и решительных доказательств, только углубили аргументацию Чампи и Гортиса. Тем не менее вопрос о записной тетради и теперь еще не решен окончательно, хотя гипотеза Чампи, благодаря главным образом методическим приемам Гортиса, представляется наиболее вероятной. В ее пользу говорит и следующее обстоятельство. Zibaldone — один из характернейших памятников начинающегося Ренессанса. Знание греческого языка еще слабо, но интерес к нему весьма значителен: обладатель тетради может перевести фразу *σταί πάντα καλς*³, но он копирует также греческую надпись из Плиния, хотя и не может ее понять. Из латинских авторов он выписывает не только факты, но и сентенции — черпает все, что ему нравится, что он считает подходящим для своих вкусов и интересов. Из заметки об открытии Канарских островов видно, с каким вниманием относится новый ученый к географическим открытиям; список знаменитостей показывает преобладающий интерес ко всякой выдающейся личности, чем бы она ни выдавалась, при чем в него заносятся и люди старой школы. Вообще полного отрицания средневековой науки нет; обладатель тетради вносит в нее выписки из предшествующих писателей, но на них преимущественно он и пробует свой критицизм, проявляющийся иногда в крайне резкой форме. Вследствие этого zibaldone был бы более важным и интересным источником для истории эпохи, если бы он не принадлежал Боккаччио, о котором мы имеем и другие сведения.

В тетради находится между прочим письмо Боккаччио к Дзаноби, которое имеет, во-первых, автобиографическое значение, во-вторых, представляет некоторые данные о гуманисте адресате. Боккаччио горько жалуется на отношение к себе Аччайуоли, изображает свое настроение, описывает похороны сына своего бывшего покровителя и жалуется на флорентийцев по поводу стихотворения против них Дзаноби да Страда. Кёртинг заподозрил подлинность этого письма на основании хронологических затруднений, не имеющих однако,

по его собственному признанию, решающего значения, так что обратное мнение Чампи, Кораццини и Гортиса сохраняет полную силу.

Более сомнительным характером отличаются последние пять латинских писем Боккаччио, которые были найдены во Флоренции Чампи и напечатаны им во втором издании *zibaldone*. Самое важное из них адресовано к Дзаноби и содержит несколько автобиографических указаний и известие о речи адресата. И по форме, и по содержанию это письмо, по всей вероятности, принадлежит Боккаччио. Мало интереса представляют два письма к неизвестному адресату. В одном из них рассказывается о встрече с любимой особой, другое — могло бы иметь значение для биографии адресата, если бы он был известен. Язык этих писем, неправильный, напыщенный и туманный мало напоминает Боккаччио. Два последние письма почти совершенно непонятны. Вообще 4 последних письма почти ничего не дают ни для Боккаччио, ни для эпохи, так что вопрос об их подлинности не имеет никакого значения.

Менее важное значение имеет итальянская переписка Боккаччио. Из 9 писем 3 составляют введение в итальянские произведения, одно несомненный апокриф и подлинность двух заподозрена. Самое важное из них — обширное послание к Пино де'Росси. Боккаччио утешает его в изгнании и доказывает, что истинное счастье заключается в науке и добродетели, подкрепляя свое положение массой примеров из античного мира. Это единственный моральный трактат Боккаччио, интересный не столько по нравственным учениям, которые не отличаются особенною глубиною, сколько по отношению к Флоренции. Боккаччио видит недостатки своей родины, и его письмо представляет собою переход к политическим воззрениям позднейшего поколения гуманистов. Два письма, адресованные Алессандро де'Барди и несомненно принадлежащие Боккаччио, не имеют никакого значения. Гораздо интересней льстивое письмо к Аччайуоли, подлинность которого безо всякого основания заподозрил Кёртинг. Дополнением к этому письму может служить обширное послание к Франческо Нелли, содержание которого сходно со вторым латинским письмом к Дзаноби. Боккаччио горько жалуется в нем на обращение Аччайуоли и в самых резких чертах изображает недостатки несправедливого мецената. Письмо является настоящей инвективой, живо рисует довольно важный эпизод биографии автора и составляет характерный источник для истории меценатства. Оно показывает, каким оружием пользовались гуманисты, чтобы создать себе спокойное и почетное положение в свите меценатов. Письмо, засвидетельствованное семью рукописями, имеет очень длинную литературную историю. Бишиони

издал его еще в прошлом веке; в начале нынешнего оно было переиздано Гамбой и тогда его подлинность впервые была заподозрена Чампи и резко отвергнута Тодескини, что не помешало Мутье и Кораццини внести его в свои собрания. В 1877 году одновременно Кораццини и Ландау высказали противоположные воззрения относительно его подлинности; в 1879 году Гортис в своих этюдах вернулся к точке зрения Тодескини и Ландау, но Кёртинг стал на этот раз на сторону Кораццини и, рассмотревши всю полемику, с несомненностью доказал подлинность заподозренного письма. Несомненно подложное письмо к Чино да Пистойа интересно, как весьма характерный подлог: позднейший гуманист заставляет Боккаччио защищать новые занятия перед представителем старого направления. Для фактической биографии Боккаччио имеет некоторое значение его духовное завещание, сохранившееся в двух списках — на итальянском и на латинском языках.

Латинские стихотворения Боккаччио при незначительности их литературной и эстетической цены имеют весьма важное значение, как исторический источник. Первое место между ними занимают *Эклоги*. «Лучше всякого биографа раскрывают собственную жизнь Петрарка в своих диалогах “О презрении мира” и Боккаччио в своих “Эклогах”», говорит Гортис. Несмотря на некоторое преувеличение этой оценки, нельзя отрицать, что в *Эклогах* Боккаччио заключается весьма ценный автобиографический и исторический материал; только пользование им весьма затруднено аллегорией и было бы совсем невозможно, если бы сам автор не оставил комментария в письме к Мартину да Синья. В виду незначительности данных для характеристики политических воззрений Боккаччио особенную цену имеют те *эклоги*, в которых аллегорически изображается современная политическая действительность. Из 16 *эклог* к этой категории относятся 7 (III, IV, V, VI, VII, IX, X). Третья, четвертая, пятая и шестая представляют собою аллегорическое изображение событий в Неаполе после смерти короля Роберта. Первая из них озаглавлена *Фавн*. В письме к Мартину да Синья Боккаччио объяснил только, что под *Фавном* он понимает Франческо Орделаффи, тирана Форли; но аллегория настолько прозрачна, что нетрудно угадать и все содержание *эклоги*. В ее первой части говорится о борьбе Орделаффи с римской церковью, скрытою под именем *Thestylis*; затем смерть Роберта, убиение Андрея Венгерского и поход его брата, в котором принимает участие и Орделаффи. Сочувствие Боккаччо на стороне тирана — мецената ученых и поэтов, хотя он и находится в борьбе с церковью. С таким же сочувствием относится он и к Роберту, хотя раньше называл его жадным Мидасом:

смуты, наступившие после его смерти, заставили забыть недостатки короля, умевшего создать прочный порядок в своих владениях. Далее Боккаччио резко обвиняет в убийстве Иоанну, которую называет «беременной волчицей», хотя ему известны слухи и о других убийцах, и с сочувствием относится к «справедливому оружию» Людовика Венгерского. Четвертая эклога, озаглавленная *Dorus* изображает следующий акт драмы — бегство Людовика Тарентского и заслуги по отношению к нему Аччайуоли, который представлен образцовым другом и руководителем молодого государя. Сочувствие автора теперь целиком на стороне Людовика Тарентского и вообще его точка зрения на действующие лица изменилась: причиной смерти Андрея он выставляет теперь его собственную жестокость, его брата он называет Полифемом, обагряющем кровью Италию; жестокая волчица получила название «прекрасной *Lycoris*». Боккаччио сам чувствует противоречие и старается его смягчить, называя Андрея «несчастливым Алексисом» и объявляя жестокость его брата справедливой.

Пятая эклога, озаглавленная «*Лес в упадке*» (*Silva cadens*), изображает печальное состояние Неаполя после бегства Людовика Тарентского. Гортис метко называет эту эклогу «настоящей элегией». Действительно, стихотворение проникнуто лиризмом; характерно однако, что народные бедствия, трогают Боккаччио, но не уничтожают его симпатий к их виновникам, хотя он называет бегство правителей постыдным. Более того, шестая эклога *Альцест* представляет собою настоящий панегирик Людовику Тарентскому. Ее значение весьма ограничено: льстивый тон производит крайне неприятное впечатление, которое смягчается отчасти тем, что Боккаччио, по-видимому, не имел при этом в виду никакой практической цели.

За эклоги о неаполитанских делах Боккаччио получил от одного из наиболее строгих своих критиков название «политического поэта». Но его политическая мысль здесь обнаруживает крайнюю неустойчивость. Боккаччио руководится при оценкк лиц и событий непосредственным впечатлением иногда даже чисто личного характера. Особенно интересна в этом отношении VIII эклога, которая имеет автобиографическое значение, и может служить хорошим комментарием отношений Боккаччио к неаполитанским делам. Она озаглавлена *Мидас*; в письме к Мартино да Синья Боккаччио не истолковывает действующих лиц; но аллегория настолько прозрачна, что тождество Мидаса с Питиасом IV эклоги остается вне всякого сомнения. В ней говорится, что Мидас вызвал к своему двору Питиаса, под которым здесь понимается уже сам Боккаччио, но обманул его ожидания. Собеседник Питиаса Дамон рисует образ Мидаса совершенно другими

чертами, нежели в IV эклоге: недовольный Аччайуоли, Боккаччио написал на него настоящую сатиру, которая является дополнением к рассмотренным выше письмам к Дзаноби и Нелли. Благородный друг и опытный руководитель молодого государя является здесь коварным похитителем власти; сочувствие автора снова возвращается к убитому Андрею, и он называет Аччайуоли соучастником безнаказанного преступления. Ясно, что у Боккаччио не было определенного критерия для оценки неаполитанских дел. Несколько определеннее его политические желания по отношению к родному городу, делам которого он посвятил 2 эклоги. Первая из них (VII), изображает попытку Карла IV подчинить себе Флоренцию. Точка зрения Боккаччио на это дело вполне ясна и определена: как республиканец, он дорожит свободой Флоренции, как итальянский патриот, он презирает «сармата», пытающегося овладеть Италией; как человек нового времени, он с пренебрежением смеется над захудавшей средневековой империей. В тесной связи с этой эклогой стоит девятая, озаглавленная *Libis*. Она носит элегический характер: Боккаччио оплакивает жалкие нравы потомков великих предков, и порицает «невежественную мать» Рим, короновавший варвара Цирция, (Карла IV), что заставило подчиниться и Флоренцию. Последняя эклога политического содержания (X), озаглавленная *Мрачная Долина* (*Vallis orasa*), отличается весьма темной аллегорией, которая несколько не разъяснена самим автором. В письме к Мартино да Синья Боккаччио отмечает только ее общий тон: «под Лицидом (*Lyzidas*) я разумею некоего прежнего тирана (*quendam olim tyrannum*) и называю его Лицидом от *λύκος* что по-латыни значит *lupus* — волк: как волк самое хищное животное, так и тираны самые хищные люди».

Не лишены значения 2 эклоги религиозного содержания. Одна из них (XI) называется *Пантеон* и под языческими именами изображает библейскую историю. Эта эклога представляет собою одно из наиболее ранних проявлений формального паганизма. В комментарии к ней Боккаччио говорит, что под одним собеседником Миртилисом (*Mirtilis*) он разумеет христианскую церковь, под другим — Главком — ап. Петра. «Главк был рыбак; попробовавши какой-то травы, он внезапно бросился в море и сделался одним из морских богов. Точно так же и Петр был рыбак, и он, попробовавши Христова учения, добровольно бросился в волны, т. е. в козни и преследования врагов христианского имени, проповедуя учение Христа, вследствие чего сделался Богом, т. е. святым, одним из друзей Небесного Бога». Сообразно с этим Боккаччио называет Ревекку Софронидой, Иакова — Сильбоном, Моисея — Форонеем, Христа — юным Ли-

кургом, который превратил Фетиду в Бромия (чудо в Канне) и т. д.. При несомненном благочестии автора, который заставляет ап. Петра жаловаться на Авиньон и прелатов, эти намеки и сопоставления остаются пока довольно невинной забавой. Пятнадцатая эклога — *Филостропос* отличается субъективным характером. Боккаччио объясняет ее заглавие тем, что «в ней идет речь об отвращении духа от земной соблазнительной любви к любви небесной». «Собеседников два: Филостропос и Тифлос, продолжает он; под первым я разумею моего славного наставника Франческо Петрарку, который весьма часто своими советами убеждал меня направить мысль к вечному, оставивши наслаждение земным, и таким образом если и не вполне, то все-таки в достаточной мере направил к лучшему мои симпатии». Тифлос — скромное обозначение самого автора. В этой беседе Боккаччио обнаруживает полную готовность стремиться во владения Теоскира (Θεός κοῦρος), но боится своих прегрешений против его служителей. Петрарка успокаивает своего друга и внушает ему надежду на милость Божию.

В тесной связи с этой эклогой по настроению, а отчасти и по содержанию, находится XII, *Сафо*, одна из двух, в которых трактуется о поэзии. Боккаччио в форме разговора с Каллиопой (*bona sonoritas* — изящная речь), служанкой Сафо (истинная, высокая поэзия) изображает свое стремление к настоящей поэзии. Кроме автобиографических черт, иногда несколько туманных, эклога определяет поэтический идеал Боккаччио: по словам Каллиопы, единственный человек, который теперь может довести до Сафо — это Сильван — Петрарка. Следующая эклога (XIII), озаглавленная *Laurea*, содержит в себе спор между поэтом и купцом о сравнительном достоинстве их занятий. Сюжет, очень интересный для Боккаччио и не раз затронутый им в других сочинениях. Эклога не дает ничего нового, кроме тона: к удивлению он гораздо спокойнее, чем в прозе, и самый спор остается не решенным, так как Критис, третий собеседник, одинаково восхваляет оба занятия.

Остальные эклоги имеют чисто автобиографическое значение. В первой (*Florentini*) Боккаччио оплакивает обманутую любовь к Галле, во второй (*Pampinea*) — безнадежную любовь к Пампинее. В письме к Мартино да Синья сам автор объявляет их недостойными внимания и ничтожными, и в действительности они ничего не прибавляют к его биографии. Более интереса представляет последняя (XVI) эклога *Angelos*, в которой автор аллегорически просит Донато да Альбанцани вместе с Петраркою исправить его 15 эклог. Самая интересная в ней черта — это отношение к Петрарке. Не смотря на всю

дружбу к своему «руководителю», Боккаччио не решается явиться перед ним «неумытым», послать эклоги на исправление непосредственно к Петрарке, а прибегает к содействию их общего друга. Автор говорит в эклоге, что наученный горьким опытом с Аччайуоли, он боится встретить такой же прием и у Петрарки. Наконец, в четырнадцатой эклоге (*Olympias*), высокое художественное достоинство которой признают все критики, Боккаччо изображает свои родительские чувства. Во сне ему является его умершая дочка Виоланта (в эклоге Олимпия) и ведет с ним беседу, в которой изображает райское блаженство и пути к нему. Этот разговор, проникнутый искренним чувством, живо и привлекательно рисует любящую и гуманную душу автора Декамерона и указывает на то, что вражда к семье у первых гуманистов была явлением случайным и наносным.

Биографы Боккаччио XIV и XV столетия упоминают о других его латинских стихотворениях; но до 1879 года было издано только два его стихотворных послания; Гортис открыл еще четыре, из которых только одно несомненно принадлежит автору Эклог. Некоторый интерес для характеристики отношения Боккаччио к Данте и Петрарке представляет стихотворное письмо, отправленное им своему руководителю вместе с кодексом Божественной Комедии. Письмо очень льстиво; но Кёртинг видит в этом образцовую дипломатическую уловку с целью приобретения расположения Петрарки к его великому предшественнику. Более важное значение имеет обширное стихотворение (в 180 гекзаметров), посвященное поэме Петрарки — Африка. Написанное тотчас после смерти первого гуманиста и адресованное его зятю Франческо да Броссано, оно обнаруживает не только искреннюю и горячую любовь автора к покойному, но и огромный интерес к его поэме, содержание которой оставалось тогда никому неизвестным. Ходили слухи, что Петрарка сжег «Африку», и стихотворение Боккаччио показывает, какое важное значение придавали ей друзья поэта и как много они от нее ожидали. Не лишено интереса и впервые напечатанное Гортисом пастушеское стихотворение Боккаччио, которое он адресовал Чекко да Милето. Оно написано около 1346 года и живо рисует тогдашнее настроение автора: в Италии войны, которые мешают всякому серьезному занятию, поэтому он хочет только воспевать свою любовь к Галатее и предоставить важные дела Петрарке.

<...> Если сравнить латинские трактаты и письма Боккаччио с аналогичными произведениями первого гуманиста, то *по самостоятельной литературной и научной цене* первые значительно ниже последних. Автору Декамерона нечего противопоставить знаменитой автобиографии Петрарки; философских трактатов у него точно

так же нет; его исторические произведения и мифологический трактат по приемам исследования, по тщательности работы и по критике источников не могут идти в сравнение не только с *De viris illustribus* Петрарки, но даже с его *Res memorandae*. Еще менее выгодно для Боккаччо сравнение между перепискою обоих гуманистов. Тем не менее по *исторической цене* произведения Боккаччио едва ли уступают сочинениям его друга и руководителя. Правда, отсутствие философских трактатов лишает нас весьма важного источника по существенному вопросу в истории гуманизма; но этическими отступлениями преисполнены исторические трактаты Боккаччио, а особенно *De casibus virorum*, и этот этический элемент тем поучительнее, что автор Декамерона не обладал философскими наклонностями и даже значительными теоретическими интересами. С другой стороны, идеи Боккаччио далеко не всегда оригинальны: в весьма многих отношениях он повторяет Петрарку; но из его сочинений видно, что это сходство не результат слепого подчинения более крупной интеллектуальной силе, не следствие рабского подражания непонятому учителю. Боккаччио умеет относиться критически ко всяким авторитетам и так же преклоняется перед Петраркой, как и перед классиками, т. е. поскольку идеи и воззрения первого гуманиста соответствовали его собственным стремлениям. Он следует за своим учителем, защищая поэзию, нападая на монахов и юристов, морализируя в исторических трактатах, относясь с глубоким уважением к древности, восставая против знати, обнаруживая любовь к природе и т. д. Но он держится астрологии, хотя Петрарка ратовал против нее, и вообще менее порвал с средневековой мудростью, чем его учитель. Там, где Петрарка ему непонятен, как, например, в политике, Боккаччио не только не разделяет его стремлений, но даже резко и несправедливо его порицает. Несмотря на сильную привязанность и глубокое уважение к Петрарке, Боккаччио сохраняет полную самостоятельность мысли, и если в некоторых пунктах он ближе к прошлому, чем его учитель, то по отношению к женщине и к человеческой природе он более гуманист, чем родоначальник Возрождения. Впрочем эта последняя черта сильнее выразилась в его итальянских произведениях.

